

Последнее письмо

ДАТА

Екатерина КОРОТКОВА
(ГРОССМАН)12 ДЕКАБРЯ ИСПОЛНЯЕТСЯ
СТО ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ВАСИЛИЯ ГРОССМАНА

Отец не дожил двух месяцев до 60 лет. Помню, мы отмечали в ЦДЛ какую-то дату, скорее всего, его 65-летие, и нам строго запретили связывать этот вечер с юбилеем. Выступало много народу, и все говорили, что это был человек мрачный, мученик, жертвенный. Вдруг поднялся незапланированный оратор, простой с виду, и спросил: о каком Гроссмане вы рассказываете? Я с ним воевал, я его видел по фронту, он был веселый, компанейский. По залу прошел легкий шум: многие из собравшихся тоже с недоумением слушали о мрачном Гроссмане, которого они знали как душу компании, человека редкого остроумия. У отца было много друзей-литераторов, из крупных, пожалуй, только Платонов, к которому он относился с нежностью, их отношения были совершенно безоблачными, чего нельзя сказать о других. К друзьям он был требователен и считал, что дружба выдает превыше родственных связей.

Впервые я увидела отца в 30-е годы, с моей матерью они рано разошлись, он уехал в Москву, а мы жили в Киеве, и когда там начался голод, меня отправили подкормиться в Бердичев, к бабушке со стороны отца Екатерине Савельевне. В вой-

ВЛАДИМИР РУДНОЙ

Василий Гроссман в освобожденной Одессе, 1944 г

Нет сомнения, что болезнь, от которой Гроссман спустя три года умер, прямо связана с позорным арестом его романа

ну она погибла в бердичевском гетто, отец всю жизнь себя казнил, что не сумел вовремя ее оттуда вывезти. А тогда он приехал молодой, веселый, схватил меня на руки, потащил на бабушкину кровать, сам сел рядом в кресло и начал читать стихи Корнея Чуковского, которого очень любил. Между прочим, много позже, в годы борьбы с космополитизмом, папа возмутился, что Корней Иванович, делая доклад о Чехове, не назвал фамилию крупного литературоведа Абрама Дермана, и написал ему: «Нехорошо вы забыли Абрама Борисовича». Чуковский тут же отозвался: я, мол, не забыл, его выкинули, печатая отчет в «Литературке». Так что, «Ваши мерзкие бандерильи меня не задевают». Отцу очень понравились эти «мерзкие бандерильи». Сам крупнейший мастер прозы, он всегда восхищался образным языком классиков. Помню, любил повторять фразу из голевойской «Ночи накануне Ивана Купала»: «Топор вбежал на два верхка в дубовую дверь». Очень ценил Лескова. Толстого любил бесконечно, Чехова — бесконечно. Но к литературе Серебряного века относился более прохладно, считая ее авторов ювелирами, тогда как Золотой век русской словесности — XIX — это хлеб насущный.

Родившийся в образованной еврейской семье Гроссман пошел по стопам отца и стал химиком. По окончании МГУ работал на шахте в Донбассе, позже, уже в Москве —

на Карандашной фабрике им. Сакко и Ванцетти, об этом его рассказ «Цейлонский графит», классика довоенной прозы.

К своему пониманию жизни, когда в начале 50-х приступил ко второй части романа «За правое дело» — эпопею «Жизнь и судьба», где с необыкновенной художественной мощью заговорил о вещах, о которых тогда и подумать было страшно: о раскулачивании и голоде, о геноциде еврейского народа, о сходстве сталинского и гитлеровского режимов, Гроссман пришел не сразу. Но еще в его довоенном и, по моему, несправедливо забытом романе «Степан Кольчугин» — о пареньке, который приходит в революцию, были страницы, вызвавшие подозрения бдительных читателей и литературных начальников. Одна внимательная дама написала ему, что в романе очень много несовершенных большевиков, а Всеволод Вишневский, тогда редактор «Знамени», велел исправить «неуместное замечание» о лице Максима Горького: один из героев «Кольчугина» говорит, что человек с таким лицом не может хорошо писать.

Я думаю, что стать таким писателем, каким он стал, отцу помогло врожденное чувство справедливости и забота о беззащитных — начиная с животных. Военным корреспондентом «Красной звезды» он прошел всю войну, а его бескорыстие и бесребреничество в побежденном Берлине стали частью фронтового фольклора.

Свои взгляды Гроссман не скрывал, узкому кругу друзей читал отрывки из «Жизни и судьбы», а однажды, когда мы, запершись в ванной и под шум льющейся воды вели запретные разговоры, отец вдруг возмутился и сказал: если «они» хотят нас слышать, так пусть слушают. «Они» услышали. В 1960 году Гроссман отнес роман в «Знамя», главный редактор которого Вадим Кожевников, прочитав неподозволенную вещь («Гроссман нас подвел»), донес о ней в КГБ, и в 1961 году роман был арестован. «Лучше бы они меня убили, — говорил отец, — для писателя нет ничего страшнее, чем лишиться своей книги». Но «они» его и убили: нет сомнения, что болезнь, от которой Гроссман спустя три года умер, прямо связана с этим позорным арестом.

К счастью, копию романа он отдал своему другу Семену Липкину и еще одному человеку, а спустя 10 лет после его смерти при участии Войновича, Сахарова и Елены Боннэр «Жизнь и судьбу» удалось переправить за границу. Сначала ее напечатали во Франции, где книгу впервые сравнили с «Войной и миром». В 1988 году роман опубликовал «Октябрь», там же появилась и удивительная по творческому прозрению повесть Гроссмана «Все течет».

К столетию отца на доме в районе «Аэропорта» собираются установить мемориальную доску, а театр «Эрмитаж» повторит постановку отрывка из романа «Жизнь и судьба» — «Последнее письмо», предсмертное письмо матери к сыну из гетто. И все же у меня ощущение, что этот великий писатель заслуживает большего. При нынешней поляризации общества беспартийный Гроссман оказался вне тусовки, которой он чуждался всю жизнь. Но время, уверена, все поставит на свои места.

Записала Ольга МАРТЫНЕНКО